

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В ПОВЕСТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»

С.А. Белохвостик

*Барановичский государственный университет
Барановичи, Республика Беларусь, sofiabelohvostik@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности художественного времени в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья». Анализируется двойственная временная структура произведения, включающая застывшее настоящее «подполья» и событийное прошлое героя, представленное через воспоминания. Особое внимание уделяется субъективному восприятию времени, исповедальной форме повествования и кризисным моментам, в которых время психологически «сжимается» или останавливается. Делается вывод о том, что художественное время становится важнейшим способом раскрытия внутреннего мира «подпольного человека» и его мировоззрения.

Ключевые слова: художественное время, темпоральность, Ф. М. Достоевский, «Записки из подполья», подпольный человек, исповедальный монолог, субъективное восприятие времени.

Художественное время – одна из ключевых категорий литературного произведения. По определению Т. В. Матвеевой, это «категория, с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или её преломлением» [2, с. 536]. Иными словами, в художественном тексте время может быть переосмыслено, замедлено, ускорено или вовсе остановлено – в зависимости от того, что переживает герой. Именно в этом ключе художественное время становится не просто хронологической рамкой, но одним из главных средств выражения авторской мысли.

Применительно к прозе Ф. М. Достоевского исследователи давно обратили внимание на особую роль времени. Ощущение времени у его персонажей «крайне субъективно. Мгновение может "остановиться", а длительный период "промелькнуть"» [5, с. 138]. Художественному времени Достоевского присущи «густота событий, компактность, насыщенность, катастрофичность», а темп его повествования нередко описывается как «лихорадочный» [6, с. 112]. По концепции М. М. Бахтина, в произведениях Достоевского присутствует особое «неготовое настоящее» – незавершённая, открытая действительность, в которой всё ещё возможно [1, с. 29].

Повесть «Записки из подполья» занимает в этом отношении особое место: в ней Достоевский впервые в полной мере разрабатывает форму исповедального монолога, где субъективное время героя становится основным строительным материалом текста.

Цель настоящей статьи – определить, как организовано художественное время в этой повести и каким образом его устройство раскрывает образ «подпольного человека».

Повесть состоит из двух частей, принципиально различающихся по организации времени. Первая часть – «Подполье» – написана в форме философского монолога, который рассказчик, сорокалетний отставной чиновник, обращает к воображаемым «господам». Действие в этой части фактически

отсутствует: перед нами не рассказ о событиях, а непрерывный поток мыслей, доводов, опровержений и самопротиворечий.

Уже первые фразы задают особый темпоральный режим: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек» [7, с. 111]. Все глаголы стоят в настоящем времени. Это не исторически конкретное настоящее, отмеченное на календаре, а вечное, безвыходное «сейчас» подполья. Рассказчик говорит: «Я уже давно так живу – лет двадцать» [7, с. 112], но эти двадцать лет не разворачиваются перед читателем как последовательность событий – они просто «есть».

Как отмечает З. Я. Тураева, художественное время – это «форма бытия идеального мира эстетической действительности, временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума» [4, с. 16]. В первой части «Записок» этот «континуум» намеренно лишён движения. Время подполья – это время замершее, застывшее, время инерции, которую рассказчик сам описывает как главный итог своего существования: «Прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сидение» [7, с. 121].

Вторая часть – «По поводу мокрого снега» – устроена принципиально иначе. Здесь появляются конкретные события, реальные персонажи, чёткие временные маркеры: «В то время мне было всего двадцать четыре года» [7, с. 138]. Сам рассказчик обозначает момент перехода к воспоминаниям: «Нынче идёт снег, почти мокрый, жёлтый, мутный. Вчера шёл тоже, на днях тоже шёл. Мне кажется, я по поводу мокрого снега и припомнил тот анекдот, который не хочет теперь от меня отвязаться. Итак, пусть это будет повесть по поводу мокрого снега» [7, с. 138]. Настоящее (снег за окном) запускает механизм памяти – и время сдвигается назад, в молодость.

Двухчастная структура повести как бы воплощает двойственность художественного времени: неподвижное настоящее «подполья» и подвижное, событийное прошлое. Эти два пласта не просто чередуются – они взаимно освещают и объясняют друг друга.

Один из самых примечательных темпоральных приёмов первой части – последовательное уничтожение любых признаков движения. Рассказчик прямо формулирует: «... тут сорок лет подполья! позвольте пофантазировать» [7, с. 128]. Время подполья – это не история, а состояние главного героя.

Подпольный человек сам осознаёт эту особенность своего существования. По его словам, главный враг действия – сознание: «Прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция» [7, с. 121]. Усиленное сознание, которым он наделён, парализует волю и тем самым останавливает время. Отсюда ощущение, что вся первая часть существует вне времени, в виде непрекращающейся мысли.

Это «остановленное» время выражается и грамматически. В. Я. Кирпотин заметил, что Достоевский «никогда не забывает посмотреть на календарь и на часы» [цит. по: 3, с. 372], однако в первой части «Записок» часы и календарь намеренно убраны. Точные временные указания почти отсутствуют – вместо них господствуют обобщения: «всегда», «каждый раз», «бывало», «по минутно». Эти слова-маркеры показывают: речь идёт не о конкретных моментах прошлого, а о застывших, повторяющихся состояниях, из которых складывается безвременная жизнь подполья.

Вторая часть повести строится на воспоминаниях. Рассказчик – сорокалетний человек – оглядывается на события, случившиеся, когда ему было двадцать четыре года. Это создаёт двойную временную перспективу: событие переживается дважды – в момент свершения и в момент воспоминания.

Воспоминание запускает случайный внешний стимул – мокрый снег. Этот «импульс памяти» перекликается с теоретическим замечанием о природе времени у Достоевского: «временной и пространственный язык» используется автором «как средство выражения собственной субъективной позиции» [2, с. 537]. Снег за окном в настоящем моменте и снег петербургских улиц в молодости сливаются, создавая два временных пласта.

Однако время воспоминаний не однородно. Одни события описаны чрезвычайно подробно, с точными деталями; другие умещаются в одно-два предложения. Так, история противостояния с офицером растягивается почти на два года биографического времени, но в тексте подаётся как непрерывная цепь размышлений: «Злоба моя даже укреплялась и разрасталась с годами» [7, с. 144]. Годы обиды сжаты, но сам факт злобы – растянут и разобран по деталям.

Это соответствует общему принципу художественного времени в прозе Достоевского: значим не объективный ход дней, а психологическое содержание периодов жизни.

Особого внимания заслуживают острые, переломные эпизоды второй части – встреча с Лизой, история с Зверковым, финальное объяснение. В этих сценах время резко сжимается: события несутся стремительно, реплики следуют одна за другой, внутреннее состояние героя меняется поминутно.

Исследователи давно обратили внимание на «катастрофичность» художественного времени Достоевского [6, с. 112]. В «Записках из подполья» эта «катастрофичность» реализуется в полной мере. Эпизод с офицером в бильярдной происходит мгновенно – «он взял меня за плечи и молча – не предупредив и не объяснившись – переставил меня с того места, где я стоял, на другое» [7, с. 143] – но его последствия разворачиваются на несколько лет внутренней жизни. Один жест офицера порождает годы злобы, планов мести, унижений на Невском проспекте. Мгновение действия равно годам переживания – это один из самых выразительных темпоральных парадоксов повести.

Схожим образом устроена финальная сцена с Лизой. Весь предшествующий монолог рассказчика – его «спасительная речь», его внутреннее торжество, его ощущение власти – занимает у него значительное внутреннее время. Но когда Лиза приходит к нему на квартиру и видит его в истинном свете, весь выстроенный им образ рушится в одно мгновение. Время вновь переходит от медленного внутреннего монолога к стремительному действию.

Подобный приём – когда острый момент разрушает всё накопленное внутренним временем – один из характерных для Достоевского способов изображения того, что Бахтин называл «неготовым настоящим» [1, с. 29]: ситуации, в которой всё ещё возможно, но именно поэтому всё разрушаемо.

В «Записках из подполья» художественное время выполняет ещё одну особую функцию – исповедальную. Рассказчик намерен «испытать: можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным» [7, с. 137]. Это признание объясняет, почему время в повести так субъективно и непоследовательно: исповедь подчиняется не хронологии, а логике внутреннего переживания.

Субъективное время проявляется в самой сущности монолога: рассказчик постоянно возвращается к уже сказанному, опровергает себя, начинает с начала. «Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник» [7, с. 112] – так он сам фиксирует, что его повествование не движется вперёд, а вращается вокруг одной точки, уточняя и переосмысляя её.

Это соответствует теоретическому наблюдению о том, что художественное время – «это не столько календарный отсчёт событий, сколько соотносённость событий, установление ассоциативных, причинно-следственных, психологических связей между ними» [4, с. 16]. В «Записках» хронологический порядок полностью растворяется в потоке рефлексии.

Именно поэтому, как замечает А. Ф. Папина, «автор текста создаёт в каждом конкретном случае новый образ мира, располагая его в различных определённых рамках времени и пространства, свойственных данной ситуации» [3, с. 166]. В случае «Записок из подполья» рамки эти – замкнутое сознание, из которого нет выхода ни в прошлое, ни в будущее.

Таким образом, художественное время в «Записках из подполья» является не только структурным приёмом, но и прямым выражением мировоззрения «подпольного человека» – человека, для которого настоящее остановилось, прошлое не отпускает, а будущее закрыто.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Матвеева, Т. В. Текстовое время, или темпоральность / Т. В. Матвеева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – URL: <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/215-> (дата обращения: 01.04.2025).
3. Папина, А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : учебник / А. Ф. Папина. – М. : УРСС, 2002. – 368 с.
4. Тураева, З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное : учеб. пособие / З. Я. Тураева. – М. : Высшая школа, 1979. – 219 с.
5. Серопян, А. С. Концепт «время» в творчестве Ф. М. Достоевского. Культурологический аспект : автореф. дис. ... канд. культурол. наук / А. С. Серопян. – Шуя : Шуйский гос. пед. ун-т, 2009. – 138 с.
6. Ковалев, О. А. Время и нарратив в творчестве Ф. М. Достоевского / О. А. Ковалев. – Барнаул : Алт. ун-т, 2011. – 316 с.
7. Достоевский, Ф. М. Записки из подполья / Ф. М. Достоевский // Полн. собр. соч. : в 30 т. – Т. 5. – Л. : Наука, 1973. – С. 99–179.
8. Нестерик, Э. В. Свойства и функции исторического времени в художественном тексте / Э. В. Нестерик, В. О. Клунная // Молодой учёный. – 2016. – № 2 (106). – С. 919–922.
9. Щенников, Г. К. Достоевский и русский реализм / Г. К. Щенников. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 350 с.

ARTISTIC TIME IN FYODOR DOSTOEVSKY'S NOVELLA NOTES FROM UNDERGROUND

S. A. Belokhvastik

Baranovich State University

Republic of Belarus, sofiabelohvastik@gmail.com

The article examines the features of artistic time in Fyodor Dostoevsky's novella «Notes from Underground». The study analyzes the dual temporal structure of the work, which includes

the frozen present of the «underground» and the eventful past of the protagonist presented through memories. Particular attention is paid to the subjective perception of time, the confessional form of narration, and crisis moments in which time psychologically «contracts» or comes to a standstill. The article concludes that artistic time becomes one of the principal means of revealing the inner world and worldview of the «underground man».

Keywords: artistic time, temporality, Fyodor Dostoevsky, «Notes from Underground», underground man, confessional monologue, subjective perception of time.